

Курдская государственность и исламистская политическая концепция

Демиденко Сергей Владимирович, РАНХиГС, Москва, Россия

Файншмидт Роман Иосифович, РАНХиГС. Москва, Россия

Контактный адрес: demidenko-sv@ranepa.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена ситуации с международным курдским движением в контексте возрастания популярности исламистских идей и концепций. Долгое время преобладающим трендом в среде курдов считалась левая доктрина, однако после 2011 г. и появления на региональной арене таких крупных игроков, как запрещенная в России ИГИЛ и иные радикальные религиозные организации, базирующиеся в Сирии и Ираке, начала формироваться тенденция поддержки ультраконсервативных партий и движений. Фактически на сегодняшний день наблюдается противостояние эволюционирующей левой доктрины, представленной Рабочей партией Курдистана и сирийской Рожавой, и исламистского концепта халифата (территории всеобщей социальной гармонии, выстроенной на основе принципов шариата). В период наибольшего могущества ИГИЛ ряд курдских групп поддержали исламистов и, будучи частью экстремистского интернационала, сумели захватить значительные территории в Северной Сирии и Центральном Ираке. Однако позже левые организации перешли в наступление и вернули довоенный статус-кво. В этой связи важно понять, какие именно причины социально-экономического характера привели к росту влияния исламистов и какие имеются перспективы у религиозных радикалов в рамках международного курдского движения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

курды, РПК, Оджалан, исламизм, салафиты, исламский фундаментализм, Рожава

Курдский вопрос долгое время оказывал ключевое воздействие на обстановку на Ближнем Востоке. Однако после «арабской весны» и появления на мировой политической арене Исламского государства Ирака и Леванта (ИГИЛ)¹ обстановка начала меняться. Под угрозой разрушения оказалась не только вся система региональных отношений, но даже границы некоторых государств. В этой связи основное внимание исследовательского сообщества оказалось сосредоточено на системном изучении феномена исламского радикализма. В данном контексте интересным представляется рассмотреть вопрос проникновения исламистских идей в курдское сообщество. Долгое время преобладающим трендом была левая парадигма, в рамках которой действовала основанная А. Оджаланом в 1978 г. Рабочая партия Курдистана (РПК). С приходом же американцев и свержением режима С. Хусейна, превратившим Ирак, а позже и Сирию в эпицентр религиозного экстремизма, среди курдского сообщества начали усиливаться крайне консервативные тенденции. В результате левые доктрины получили конкурента в лице исламизма и его концепции мирового государства (пространства), основанного на религиозных догматах шариата.

Прежде чем приступить к анализу идеологической ситуации, необходимо осветить основные научные подходы как к курдской проблематике, так и к проблеме исламского радикализма. Историография курдского движения весьма обширна. Тема активно изучалась как в России, так и за рубежом. Первый блок работ – исследования, посвященные истории и культуре Курдистана. Вопросы развития курдистанского общества, формирования земельной собственности и социальной структуры рассмотрены в трудах Дж.Н. Галловей², М. Бозарслана³ и Н. Дерсими⁴. Социально-экономической проблематике касались К. Василевский⁵, О. Вильчевский⁶, А.И. Калавеж⁷, Дж. Джалил⁸. Экономическую историю изучали А.М. Ментешевили⁹, В.В. Вавилов¹⁰, В.П. Викторов¹¹, М.С. Иванов¹², П.П. Моисеев¹³. Политическим аспектам истории курдов также посвящено немало работ. Национально-демократическое движение в Иракском Курдистане изучал Ш. Аширян¹⁴, иранскими курдами занималась О. Жигалина¹⁵. Проблемам взаимоотношений курдов с центральной властью в Турции посветил ряд работ крупный отечественный курдовед М. Гасратян^{16,17}. Его исследование «Курдская проблема в Турции (1986–1995 гг.)» является едва ли не единственным научным трудом, который освещает деятельность РПК, а также пытается объективно оценить роль организации в мировом курдском движении. Монография содержит ценнейший

1 Запрещена в Российской Федерации.

2 Galloway 1958.

3 Bozarslan 1966.

4 Dersimi 1952.

5 Василевский 1932.

6 Вильчевский 1936.

7 Калавеж 1960.

8 Джалил 1973.

9 Ментешевили 1984.

10 Вавилов 1972.

11 Викторов 1968.

12 Иванов 1963.

13 Моисеев 1960.

14 Аширян 1975.

15 Жигалина 1997.

16 Гасратян 1990.

17 Гасратян 2001.

статистический материал, подробнейшим образом описывает деятельность курдской диаспоры в Европе.

Среди исследований последних лет необходимо выделить коллективный труд К. Овета, Дж. Хэвета и Т. Аббаса¹, которые сосредоточили внимание на анализе социально-экономических и исторических причин формирования культуры протеста в Турецком Курдистане. Отчасти авторы касаются аспекта противостояния идеологий, сравнивая левый и исламистский концепты и их перспективы в контексте развития курдского движения. Также представляется необходимым выделить книгу М. Лебского «Курды. Потерянные на Ближнем Востоке»². Автор внимательно и последовательно проанализировал предпосылки и причины формирования национального курдского движения и его эволюцию в разрезе левых идей.

Тем не менее аспект идеологического противостояния левой парадигмы и исламизма в научной литературе отражен крайне слабо. Основное внимание исследователей сосредоточено на изучении историко-культурной ситуации в Курдистане и причинах популярности левых идей.

Что касается историографии исламизма, она также весьма богата. Большинство исследователей, такие как Е.М. Примаков³, А.В. Малашенко⁴, В.Н. Пластун⁵, В.В. Наумкин⁶ и т.д., изучали проблемы социально-экономической и кросс-культурной природы исламизма, эволюцию стратегии радикалов.

Выдающийся арабист А.М. Васильев в своем труде «История Саудовской Аравии» детально рассмотрел историческую природу ваххабизма и дал исчерпывающий анализ причин возникновения и развития данного феномена. В качестве особенностей явления А.М. Васильев выделял религиозный пуризм последователей М. Ибн Абд Аль-Ваххаба и высокую степень их непримиримости ко всем «извратителям» ислама (в первую очередь – к суфиям и шиитам, которых вероучитель считал главными еретиками)⁷.

Существенный вклад в исследование проблемы исламизма внесли А.А. Игнатенко⁸ и Д.А. Нечитайло⁹. Помимо практической значимости, их труды важны еще и тем, что авторы стремились внести ясность в терминологический аппарат. Как известно, в современной политической и исторической науке нет устойчивого определения термина «радикальный ислам». Трактуются он чрезвычайно широко и очень часто исследователи определяют его сущность весьма приблизительно, ориентируясь на внешние атрибуты явления. Так, М. Хасан отмечает, что «салафизм-ваххабизм является источником террора, а последователи идеологии – преступники, отвергающие традиционные исламские ценности и постулаты, извращающие его истинные каноны» (более чем спорное утверждение)¹⁰.

1 Abbas et al. 2022.

2 Лебский 2016.

3 Примаков 2012.

4 Малашенко 2006.

5 Пластун 2018.

6 Наумкин 2008.

7 Васильев 1982.

8 Игнатенко 2004.

9 Нечитайло, Д.А. Современный радикальный исламизм. Стратегия и тактика. Диссертация доктора полит. наук: 23.00.01. – Москва, 2017. – 166 с.

10 Хасан 2005.

Примерно идентичной позиции придерживались Е.Я. Сатановский¹ и И.С. Шегеев². М. Муктедар Хан считает синонимичными понятия исламизм и антиамериканизм³, а М. Трэвис сравнивает исламизм с неофашизмом⁴.

В вопросах, касающихся распространения исламизма в среде курдов, имеется существенный пробел. Отчасти данной проблемы, помимо упоминавшихся выше К. Овета, Дж. Хэвета и Т. Аббаса, касался лишь Дж. Уоррик в своем журналистском расследовании причин возникновения ИГИЛ «Черные флаги»⁵, однако и он не углублялся в историю и социально-экономическую сущность данного вопроса.

Левая доктрина РПК и религиозный вопрос

Популярность левой идеи объяснялась специфическим положением курдов на Ближнем Востоке. Представители данного этноса считали себя особой, автохтонной частью этнического пространства Западной Азии, а турок, арабов и персов – народами, поработившими курдов при поддержке западных держав. Колонизация объяснялась в разрезе классовой теории, где основная вина за завоевание возлагалась на правящие элиты – Сасанидов, Османов, Аббасидов. По всей видимости, именно вследствие исторических причин интеллектуальная элита Курдистана (особенно его турецкой части) начала проповедовать идею «инаковости» курдов. Системно изложить левые идеи и интерпретировать их применительно к действительности Северного Курдистана (и Курдистана вообще) пытался А. Оджалан.

Обоснованность левой доктрины основатель РПК выводил из колониальной сущности капитализма, который подчинял и эксплуатировал покоренные народы. Османская империя, находясь под политическим и финансовым контролем западных империалистов, сдерживала развитие покоренных ею народов, превращала их в рынок дешевой рабочей силы и площадку для сбыта продукции монополий⁶. Национально-освободительную борьбу курдов А. Оджалан рассматривал в контексте борьбы, которую вели другие народы Ближнего Востока, в первую очередь арабы. «Защита целостности Османской империи и стремление сохранить ее показывают, что турецкая господствующая феодальная клика еще с начала этого (XX в. – *прим. авт.*) столетия стала служить западному капитализму и его интересам⁷», – писал А. Оджалан.

Турецкая буржуазия, которая формировалась под иностранным влиянием, не была, по мысли А. Оджалана, проникнута духом свободы, равенства и конкурентного предпринимательства. Напротив – она стремилась законсервировать старые порядки, так как в противном случае рухнула бы основа ее могущества – Османская империя. Таким образом, курды, арабы, армяне, ассирийцы и другие

1 Сатановский 2012.

2 Шегеев 2017.

3 Muqtedar Khan M.A., "Islam and the West: Searching for Common Ground," Testimony Before the Committee on Foreign Relations The United States Senate – U.S. Senate Committee on Foreign Relations, July 18, 2006, accessed October 18, 2022, <https://www.foreign.senate.gov/imo/media/doc/KhanTestimony060718.pdf>.

4 Travis 2017.

5 Уоррик 2018.

6 Оджалан 1998, 29.

7 Ibid., 29–32.

общины, проживавшие на территории турецкого государства, испытывали на себе на протяжении долгого исторического периода двойной гнет – мирового капитала и местной полуфеодальной верхушки¹. Путь капитализма для курдов, как и для других народов Востока, был неприемлем, поскольку капитализм, по мысли А. Оджалана, равносителен национальному угнетению. Выход основатель РПК видел в приверженности левой доктрине, которая ассоциировалась тогда (на момент создания партии – 1978 г.) с борьбой против колониализма.

При этом не стоит думать, что А. Оджалан ставил однозначный знак равенства между классическими марксистскими моделями и курдским социализмом, автором которого он сам являлся (курдский национальный социализм)². Политик полагал, что Курдистан находится в специфическом общественно-экономическом состоянии (фактически – полуфеодальном), и рассчитывал на стадиальный скачок, который позволил бы искусственно создать условия для перехода на социалистический этап развития (минуя капитализм)³. Ведущая роль при этом в революции должна была принадлежать не пролетариату (его нет и не может быть в слабо развитом Курдистане), но интеллигенции, которая взяла бы на себя функции по обучению и просвещению масс⁴. Также важно отметить, что для А. Оджалана революция национальная и революция социалистическая на тот момент были синонимами («подлинная революция – национальная»). Именно данный факт дает нам возможность охарактеризовать движение курдов на том его этапе как националистическое, но не в утрированном, вульгарно марксистском понимании, а как движение за права и свободы нации, борьбу за создание собственного государства (фактический микс из того, что Э. Хейвуд называл либеральным и антиколониальным национализмами)⁵.

А. Оджалан не видел особой разницы между подходами В.И. Ленина и И.В. Сталина, называя последнего «верным ленинцем» и «продолжателем дела» первого. В этой связи «лицо» будущего курдского социализма (разницу между коммунизмом и социализмом А. Оджалан, тем не менее, понимал, называя первый бесклассовым обществом, а второй – переходной стадией к нему) представлялось курдскому политику как калька со сталинских концептов с тотальной национализацией и массовой коллективизацией, которую лидер турецких курдов иногда называл «сельскохозяйственным кооперированием»⁶.

Политическую модернизацию А. Оджалан видел в создании разветвленного и сильного бюрократического аппарата, репрессии считал неотъемлемой частью социалистических преобразований (правда, оговариваясь при этом – «в российских условиях»), а государственную власть предлагал сосредоточить в руках партии (в данном случае – РПК). Квинтэссенцией рассуждений А. Оджалана на тему построения социалистического общества стала фраза из его книги «Социализм и проблемы революции»: «Все, что говорит и делает СССР и КПСС, и есть проявление социализма»⁷.

1 Ibid, 43–46.

2 Демиденко 2003.

3 Оджалан 1994, 54.

4 Ibid., 61.

5 Хейвуд 2005, 78.

6 Оджалан 1997, 226.

7 Ibid., 109.

Таким образом, можно констатировать, что левый уклон теоретика курдского социализма в тот период носил весьма консервативный, догматический характер и соответствовал скорее сталинскому пониманию социализма, нежели подходу В.И. Ленина. Это неудивительно, поскольку А. Оджалан видел себя в первую очередь борцом за свободу и национальный суверенитет Курдистана, а не основоположником социально-экономических доктрин.

В контексте данной работы необходимо внимательнее рассмотреть вопросы религии и отношения к ней курдов. Религиозный вопрос является для Ближнего Востока наиважнейшим, принимая во внимание тот факт, что все без исключения ведущие локальные идеологии (от «либерализма» египетской «Вафд» до социализма Г. Насера и М. Каддафи) выводили свои основы из исламской традиции (как писал Г. Насер: «...мы не говорили, что наш социализм – материалистический. Мы не считаем наш социализм марксистским, потому что религию мы не отвергаем»¹).

Ислам, будучи мировой авраамической религией, особым образом трактует вопрос идентичности, решая его путем верности адептов общим идеалам. Мусульманином считается тот, кто разделяет основные принципы религии на бытовом и догматическом уровнях (*Усул ад-Дин*, *Аркан ад-Дин*). Соответственно, все индивидуумы, принявшие «правила игры», становятся сообществом, *уммой*, не знающей ни национальных, ни этнических различий. А. Оджалан, формируя идейную концепцию своей организации, подробно останавливался на данном моменте, характеризуя его как один из способов колонизации курдов². Общность через религию лишала его народ исторической индивидуальности, навязывала «родство» с колонизаторами, разрушала порыв к освободительной борьбе.

Вопрос о том, как именно надо относиться к религии и стоит ли курдам быть абсолютными атеистами, А. Оджаланом поднимался не раз. В отличие от основоположников левой доктрины, считавших религию «сердцем бессердечного мира», лидер турецких курдов в вопросе идейного выбора был более гибок. Полагая в целом, что религия является пережитком прошлого, он не отрицал возможность религиозности отдельных групп или общин курдов. При этом он делал четкую оговорку, что у курдов имеется собственное историческое прошлое, в котором нет места для ислама, в отличие, впрочем, от традиционных курдских верований, например езидизма.

Езиды – представители особой синкретической религии, корни которой восходят к зороастризму, родоплеменным верованиям и специфически осмысленным положениям первоначального ислама. Центральной фигурой культа является Малек-Тавус (Азраил) – главный среди ангелов, первый из созданных верховным богом Худе. Малек-Тавус проявил свободу воли и не склонился перед человеком, за что был сначала низвергнут, но потом прощен. После Худе фактически устранился от управления миром, передав власть Малек-Тавусу³. Прямые аллюзии на кораническую легенду о низвержении Иблиса дают мусульманам повод видеть в езидах дьяволопоклонников. В 2014 г. ИГИЛ устроила резню сре-

1 Рясков 2008, 104.

2 Оджалан 1998, 245.

3 Базиленко 2017.

ди езидов, уничтожив, по разным оценкам, более пяти тысяч человек¹. Эта варварская акция была одним из эпизодов продолжительной войны между курдами и исламистами, ставшей в конечном итоге не столько войной оружия, сколько противоборством идей.

Исламизм как концепция

Сама по себе концепция исламизма нуждается в некотором толковании. Есть несколько терминов, обозначающих это явление, которые весьма часто воспринимаются как синонимичные – исламизм, политический ислам, салафизм, исламский фундаментализм и т.д. Единой точки зрения, как это уже говорилось выше, на этот счет в науке не существует. Наиболее часто исследователи исходят из двух моментов. Первый – к радикалам причисляют всех, кто так или иначе выступает за очищение ислама от вредных нововведений (*бида*), и второй – тех, кто активно использует методы вооруженной борьбы (включая террористические акты и иные экстремистские действия). Однако оба подхода имеют существенные недостатки.

Поборников очищения ислама и возвращения его к духовным и бытовым основам периода *даавы* (призыва) считают так называемыми «салафитами» (от слова салаф – предки, предшественники). К ним относят основателя ханбалитской религиозно-правовой школы (*мазхаба*) А. Ибн-Ханбала и его последователей – виднейших мусульманских богословов средневековья Ибн-Таймийю и Ибн Аль-Джаузи, М. ибн Абд Аль-Ваххаба, саудовских ваххабитов и т.д. В новейшее время к салафитам стали причислять членов организации «Братья-мусульмане» (Х. Аль-Банна, С. Кутб), радикалов из «Аль-Каиды», представителей ИГИЛ².

Однако не только ханбалиты и связанные с ними течения и организации выступали за очищение веры и избавление от *бида*. Поборниками истинного ислама часто являлись конфессии и религиозные группы, которые традиционно отождествляются с умеренными. В первую очередь это касается направлений внутри относительно свободного ханифитского *мазхаба*. Особенно важно обратить внимание на суфийские тарикаты. Ханбалитская проповедь XVIII в. была направлена именно против широко распространенного в то время на территории Османской империи суфийского движения. В системе верований суфиев, основанной на культе святых, салафиты-ханбалиты усматривали элементы *джахилии* – неверия, язычества. Искоренение суфизма являлось одной из главных целей борьбы Аль-Ваххаба³.

Позже, в XXI в., отголоски конфликта между суфиями и радикальными ханбалитами будут ощущаться на пространстве мусульманского мира от Ближнего Востока до российского Северного Кавказа. Так, в 2012 г. в селе Чиркей Буйнакского района Дагестана экстремистами был убит видный суфийский шейх Саид-афанди

1 Steve Hopkins, "Full Horror of the Yazidis Who Didn't Escape Mount Sinjar: UN Confirms 5,000 Men Were Executed and 7,000 Women are Now Kept as Sex Slaves," MailOnline, October 14, 2014, accessed October 17, 2022, <https://www.dailymail.co.uk/news/article-2792552/full-horror-yazidis-didn-t-escape-mount-sinjar-confirms-5-000-men-executed-7-000-women-kept-sex-slaves.html>.

2 Все перечисленные организации запрещены в Российской Федерации.

3 Васильев 1982.

Чиркейский С.А. Ацаев¹. Однако и среди суфиев было немало поборников борьбы против беда. В первую очередь здесь следует сказать об основанном в XVII в. в Индии А. Сирхинди движении *муджаддидий*. Идейной его основой было представление о необходимости очищения ислама от вредных нововведений при сохранении суфийской религиозной традиции. Проводниками данной концепции на Среднем Востоке стали представители бухарской династии Мантыгов².

Другим примером борьбы за чистоту веры стала Исламская революция в Иране. Важно отметить, что в данном случае за «возвращение к основам» выступали представители другой враждебной салафитам конфессии – шиитов. Шиитские верования и доктрины, основанные на сакрализации личности (в данном случае – сокрытого имама), были неприемлемы для салафитов наравне с подходами суфиев и по той же самой причине – поклонение кому-то, кроме Аллаха. Аятоллы считают, что воплощение на практике принципов истинного исламского управления (в иранской интерпретации – концепция *вилает-е-факих*) и реставрация на бытовом уровне религиозных обычаев являются залогом процветания государства³.

Что касается другого часто упоминаемого экспертами характеризующего радикальный ислам признака – склонности к использованию насилия, то его также нельзя считать определяющим. Ислам, будучи религией воинов и торговцев, не чужд реальной борьбе. Моменты, связанные с так называемой «вооруженной проповедью», имманентны данной религии, являются ее неотъемлемой частью. В этой связи многие течения, которые принято отождествлять с исламом умеренным, использовали насилие наравне с радикалами. Делали это и суфии, и шииты, и ханафиты. Достаточно вспомнить войну против советской власти центральноазиатских суфиев (басмачи), проходившую под лозунгами джихада, а также суфийское движение кавказских горцев середины XIX в. (имамат Шамиля).

Таким образом, говорить о применении насилия или приверженности чистоте веры как о характеризующих именно радикальный ислам признаках не вполне корректно. Важно в этой связи отметить, что, например, движение «Хизбут Тахрир Аль-Ислами» вообще отказалось от насилия. Однако данный факт никак не повлиял на отношение к этой организации со стороны официальных властей многих стран мира⁴. «Хизбут Тахрир» признана экстремистской в том числе и в России.

Приведенные выше примеры говорят о том, насколько в принципе зыбка грань в вопросе расставления научных дефиниций. Однако сложность и спорность ряда теоретических вопросов не освобождает исследовательское сообщество от необходимости точнее определить – кого, как и при каких условиях можно с большей вероятностью причислять к религиозным радикалам. Для этого, по всей видимости, следует подробнее остановиться на политической повестке. Дело в том, что внутри мировой мусульманской уммы существует целый ряд партий и движений, сделавших конечной целью своей деятельности построение

1 Дагестанского шейха взорвала русская, принявшая ислам // Коммерсант. 29 августа 2012. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2010681> (дата обращения: 18.10.2022).

2 Мухаметшин 2011, 56–81.

3 Хуторская 2003, 301–308.

4 Гусейнов 2010, 212–218.

общемирового мусульманского государства. Навязывание ислама, «принудительное спасение», перманентная война против остального мира (*Дар Аль-Харб*) являются основой стратегии данных организаций. К началу XXI в. такие организации стали неотъемлемой частью политического ландшафта Египта, Сирии, Ливана, Ирака.

До определенного момента активизация исламистов считалась делом исключительно локальным, а их претензии на разрушение светского проекта не казались серьезными. Все изменил Афганистан, где в ходе борьбы против коммунистического руководства возникла организация, объединившая радикалов из Афганистана, Пакистана, Египта, Саудовской Аравии, Иордании и Ливии, сначала носившая название «Мактаб аль-Кадимат» (основатель А. Аззам, убит в 1989 г.), а позже переименованная в «Аль-Каиду»¹. Отличительной чертой «Аль-Каиды» стало включение в ее политическую программу тезиса о глобальном джихаде. И если «Братья-мусульмане» лишь имели в виду необходимость создания мирового *Дар Аль-Ислам*, то «Аль-Каида» приступила к практической реализации данной идеи, развернув борьбу за истинную веру по всей территории планеты. Как союзная ей организация возникла «Ат-Таухид ва Аль-Джихад»², на верность У. бен Ладену присягнули африканские «Боко Харам» и «Аш-Шабаб». Однако главным и наиболее успешным наследником «Аль-Каиды» стала иракская ИГИЛ. Ее руководству во главе с Аль-Багдади (А.И. Аль-Бадри) удалось не только расширить географию мирового джихада, но и создать исламистское квазигосударство, объединившее суннитские районы Центрального Ирака и восточные мухафазы Сирии.

Как представляется, именно глобальность претензий, желание осуществлять джихад до момента окончательного торжества шариата во всем мире является сегодня главной отличительной чертой движений, которые следует отнести к исламистским. Данные аспекты в доктрине исламизма отмечали А.А. Игнатенко³ и Д.А. Нечитайло⁴. И именно позиция этих ученых наиболее близка авторам данной статьи.

Приведенная выше сентенция касается в равной степени и арабских, и турецких, и курдских исламистов. Для них все, кто не присоединяется к доктрине священной войны (джихад меча), являются противниками и подлежат либо обращению в веру, либо уничтожению. Это и является конечной целью политических усилий радикалов.

Исламизм и курды

Среди курдов исламизм также пустил корни. Как отмечают К. Овет, Дж. Хэвет и Т. Аббас, именно внешняя среда Курдистана, в которой долгое время преобладало государственное насилие, породила культуру ответного протеста, при этом не имело большого значения, какая именно идеология была выбрана

1 Запрещена в Российской Федерации.

2 Запрещена в Российской Федерации.

3 Игнатенко 2004.

4 Нечитайло 2017.

в качестве знамени борьбы – коммунистическая или исламистская¹. Также исследователи обращают внимание на социально-экономические моменты, которые усиливают напряженность². Социально-экономические факторы в качестве ключевых причин борьбы курдов за независимость отмечал и А. Оджалан, убедительно доказывая в своих работах, что на момент зарождения РПК (то есть во второй половине 70-х гг. XX в.) в Северном Курдистане наблюдались еще прямые пережитки средневековья³.

Курды, долгое время находясь в русле исламской духовной традиции, не могли не испытать на себе ее влияния, тем более что один из известных деятелей мирового джихада Саллах эд-Дин был курдом по происхождению (фигура, весьма почитаемая в пантеоне исторических героев РПК). Соответственно, среди курдов также имеются исламистские организации, которые наряду с ИГИЛ, «Аль-Каидой» и «Талибаном» выступают за построение глобального халифата. Наиболее крупной и влиятельной среди них считается «Ансар аль-Ислам» – движение, базировавшееся в Северном Ираке (Южный Курдистан) и оказывавшее активнейшую поддержку упоминавшейся выше «Ат-Таухид ва Аль-Джихад».

Ничем примечательным «Ансар аль-Ислам» не запомнилась, за исключением того, что ее представители принимали участие в гражданской войне в Ираке, а впоследствии поддерживали ИГИЛ (даже делегировали в ее ряды несколько своих представителей). В идеологической части курдская исламистская организация и ее духовный отец мулла Крекар (Н.Ф.Ф. Ахмад) находились в русле исламистской традиции.

Другой влиятельной организацией считается «Курдская Хезболла». В отличие от «Ансар аль-Ислам», это движение крайне сложно идентифицировать по религиозному признаку. Его идеология малопонятна, равно как и степень религиозности лидеров и адептов. «Курдская Хезболла», как полагают некоторые эксперты, выступает за восстановление в Турции халифата и борется против РПК, которая, с их точки зрения, не может говорить от лица всего курдского народа⁴. Практически нет сведений относительно участия «Курдской Хезболлы» в региональных войнах. Она всегда держалась особняком, действуя в основном на территории Турции. Несколько раз в прессу просачивались сведения, что «Курдская Хезболла» пользуется поддержкой турецких военных и едва ли не была создана ими (якобы как противовес РПК). Численность сторонников организации, как и в случае с «Ансар аль-Ислам», установить сложно. Имеются лишь косвенные сведения о «весьма высокой» популярности движения⁵.

Среди более мелких курдских исламистских организаций мировая пресса сообщает об «Исламском союзе Курдистана», «Курдском исламском движении», «Движении имени Саллах эд-Дина», «Курдском исламском фронте» и т.д. Некоторые из них, как, например, «Движение имени Саллах эд-Дина» и «Курдское ис-

1 Abbas et al. 2022.

2 Ibid.

3 Оджалан 1994.

4 Gürbüz 2013, 168.

5 İsmail Güney Yılmaz, "Hizbullah: Tebliğ, Cemaat, Cihat (Hezbollah: Tabligh, Jamaat, Jihad)," *BiaMag Cumartesi*, April 13, 2013, accessed October 17, 2022, <https://bianet.org/biamag/toplum/145800-hizbullah-teblig-cemaat-cihat>.

ламское движение», принимали участие в гражданской войне в Сирии на стороне оппозиции.

Как видно из этого небольшого описания, курдские исламистские организации хотя и многочисленны, но крайне разрознены и не играют ведущей роли в международном джихадистском интернационале. Никто из них не может претендовать на влияние, имеющееся у ИГИЛ, «Аль-Каиды», «Талибана» или «Братьев-мусульман». То есть, в отличие от левых идей, исламизм в среде курдов если и прижился, то не очень активно. Разница потенциалов проявилась в период гражданской войны в Сирии, где с одной стороны фронта оказались исламисты, а с другой – курдские левые, участники так называемой Рожавы (Западный Курдистан).

Рожава как новый идейный центр курдского движения

На сегодняшний день Рожава представляет собой специфическое образование, состоящее, как лоскутное одеяло, из небольших групп и союзов. Эти группы формировались под воздействием различных факторов внешней социокультурной среды и не имеют общих признаков (избирательные округа, партии, политические организации). По большей части участники Рожавы на низовом уровне – это общественные объединения членов спортивных клубов, религиозных и культурных организаций, движений за права женщин и т.д. На более высоком уровне они формируют самоуправляющиеся коммуны, которые делегируют своих представителей в выборные органы власти – местные советы и региональные парламенты, и так до самого верха, где руководство всей автономией осуществляет альянс Партии «Демократического союза» и Курдского национального совета. В региональном разрезе Рожава – объединение трех курдских кантонов северной Сирии – Африна, Кобани и Джизре¹.

Именно на территории Сирии произошло решительное вооруженное столкновение между двумя концепциями – лево-анархической (термин еще нуждается в дополнительном теоретическом осмыслении) и исламистской. После тяжелых, кровопролитных боев, продолжавшихся в период между 2014 и 2018 гг., курдам при поддержке американской авиации и диверсионных групп удалось выбить исламистов с северо-востока страны. А 17 марта 2016 г. в Заевфратье была провозглашена Федерация Северной Сирии, которая до сих пор контролирует эти районы Сирийской Арабской Республики. Историческое значение этой победы заключается в том, что курды нанесли поражение религиозным радикалам, руководствуясь обновленной идеологией, которая, в отличие от крайне консервативных концептов исламизма, эволюционировала, подстраиваясь под обновленные реалии региональной жизни.

Как отмечают исследователи, управление Рожавой через систему коммун сформировалось на базе концепции «демократического федерализма», разработанной А. Оджаланом². Основатель РПК за годы, проведенные в турецких

1 "Rojava. Democracy and Commune," Crimethink, May 19, 2016, accessed October 17, 2022, <https://ru.crimethinc.com/2016/05/19/rojava-democracy-and-commune>.

2 Исаев et al. 2021, 167.

тюрьмах, существенным образом пересмотрел свои взгляды, отойдя от догматических коммунистических представлений. «Демократический централизм» в трактовке А. Оджалана является сообществом автономий с высоким уровнем самоуправления. То есть фактически в его новой интерпретации идей социализма речь идет о прямой демократии и возможности ее воплощения именно в условиях курдского общества¹.

Между Северным и Западным (Рожава) Курдистаном всегда были весьма тесные связи. Особо прочными они стали в период между 1980 и 1998 гг., когда А. Оджалан, преследуемый турецкими властями, нашел пристанище на территории Сирии. Многие сирийские курды участвовали в вооруженной борьбе РПК, активно взаимодействовали с турецкими товарищами. Таким путем идеи А. Оджалана проникали в среду сирийских курдов, которые, как и их северные соплеменники, подвергались притеснениям со стороны этнического большинства (в данном случае – арабов). И если политическое влияние на ситуацию в Западном Курдистане оказывала не только РПК, но и партии и кланы Иракского Курдистана (в частности, упоминавшийся выше Курдский национальный совет был создан в 2011 г. при поддержке лидера Демократической партии Курдистана (ДПК) М. Барзани, а на территории Рожавы располагаются офисы ДПК и Патриотического союза Курдистана²), то доминирование в идейном воздействии однозначно оставалось и остается за РПК.

Возвращаясь к вышеприведенному тезису о том, что в борьбе за права угнетаемого этнического меньшинства идеологический выбор не имеет значения, можно выдвинуть следующий контраргумент – среди курдов именно левая концепция продолжает пользоваться гораздо более высокой популярностью, чем исламистские идеи. Связано это, по всей видимости, с рядом факторов, среди которых исторический является основополагающим.

Османская империя, объявившая себя наследницей Аббасидского халифата, не являлась государством в полном смысле этого слова. Внутри себя она не была скреплена ничем кроме власти султана, в полной мере распространявшейся лишь на Малую Азию и европейские территории. С идеологической точки зрения такая система, как ни странно, была максимально приближена к концепции халифата в чистом ее виде – то есть пространства, организованного на основе законов шариата – *Дар аль-Ислам*. Исламские народы жили здесь относительно свободно и если и подвергались угнетению, то только со стороны местной элиты (достаточно вспомнить египетский случай или ситуацию с саудовскими ваххабитами). В этом конгломерате народов растворились и курды, которые на окраинах османского государства жили согласно своим традиционным древним укладам.

Все изменилось после Младотурецкой революции и кемалистских преобразований, когда национальный фактор в Турецкой Республике приобрел роль идеологической доминанты. Выдвинутый реформаторами лозунг «Одно государство – одна нация» стал прямым посягательством на идентичность курдов, которых стали называть «горными турками». Схожая ситуация сложилась и в

1 Патиев 2015, 51.

2 Исаев et al. 2021, 165.

молодых арабских государствах, которые, как и Турция, вступили в эпоху национального строительства (с поправкой на местную арабо-мусульманскую специфику). Здесь курды, как в некотором смысле чужеродный этнический элемент, не разделявший в полной мере идей арабского возрождения, начали подвергаться гонениям. Борьба ДПК в Ираке, Сентябрьское восстание 1961 г., перепись населения в Сирии, лишившая более 100 тыс. курдов сирийского гражданства, войны Армии освобождения народов Курдистана против турецких и иракских войск и т.д. стали эпизодами драматической борьбы курдов за свои права, которая хотя и вступила в новую фазу, но не закончена до сих пор.

Заключение

Во-первых, левые идеи продолжают доминировать в среде курдов. При этом политические лидеры движения творчески перерабатывают свои подходы, адаптируя их к изменяющимся реалиям региональной жизни и глобальной обстановки. На сегодняшний день концепция курдского социализма ушла от догматических подходов советского периода, развернувшись в направлении концептов прямой демократии и левого радикализма.

Во-вторых, исламский экстремизм при его высочайшей активизации и распространении не только в регионе Ближнего Востока, но и в мире в целом, не прижился среди курдов. Консервативные парадигмы оказались неприемлемы для общин, в среде которых левая пропаганда укоренила специфическое отношение к исламу как к способу порабощения этнорелигиозных меньшинств. Связано это, по всей видимости, с исторической судьбой курдов, которые на протяжении всей своей истории испытывали притеснения и гнет со стороны мусульманских народов – турок, арабов и персов.

В-третьих, война против исламизма на Ближнем Востоке привела к активизации курдского движения, которое стало одной из ведущих сил, противостоящих экстремизму. На сегодняшний день курды вновь заявляют о себе как и влиятельной силе, способной оказывать ключевое воздействие на региональные и глобальные политические процессы. Ренессанс курдского движения в значительной степени обеспечен военно-политической поддержкой западных государств, которые вынуждены были изменить (хотя бы частично) свое отношение к курдам и их борьбе.

В-четвертых, авторитет А. Оджалана как одного из основоположников концепции курдского социализма и основанной им партии продолжает оставаться чрезвычайно высоким. Идеи лидера РПК продолжают питать вооруженную борьбу курдов, не дают движению окончательно выродиться и слиться с националистическими и религиозными концепциями других народов Ближнего Востока. Именно активизация курдов, в том числе в идейном поле, спровоцировала Турцию на очередную эскалацию напряженности, когда в Анкаре вновь заговорили о возможности масштабных военных операций против РПК и ее союзников в Сирии и Ираке.

И напоследок – концепция единого курдского государства не является более актуальной. Очевидно, что курдские общины сегодня, хотя и находятся в плотном идеологическом взаимодействии, ориентированы на автономное полити-

ческое существование. Обусловлено это как историческими (долгое проживание в границах национальных государств), так и социально-экономическими факторами. На территориях, контролируемых курдскими политическими элитами, сложилась собственная экономика, и никто из лидеров не желает расставаться с контролем над финансовыми потоками и природными ресурсами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Аширян, Ш.Ч. Национально-демократическое движение в Иракском Курдистане (1961–1968 гг.). – М.: Наука, 1975. – 167 с.
- Ashiryar, Sharaf Ch. *Nacional'no-demokraticheskoe dvizhenie v Irakskom Kurdistane (1961–1968 gg.)*. Moscow: Science, 1975 [In Russian].
- Базиленко, И.В. Езиды // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии, 2017. – № 1. – С. 53–66.
- Bazilenko, Igor V. "Yezidis". *Trudy kafedry bogosloviya Sankt-Peterburgskoj Duhovnoj Akademii*, no. 1 (2017): 53–66 [In Russian].
- Вавилов, В.В. Социально-экономические преобразования в Сирии. (1946–1970 гг.). – М.: Наука, 1972. – 240 с.
- Vavilov, Vyacheslav V. *Social'no-ekonomicheskie preobrazovaniya v Sirii. (1946–1970 gg.)*. Moscow: Science, 1972 [In Russian].
- Василевский, К.Г. К аграрным отношениям в Курдистане. Анализ курдского деревейлика // Аграрные проблемы. Кн. 1–2. – М.: Международный аграрный институт, 1932. – С. 115–131.
- Vasilevsky, Kazimir G. "K agrarnym otnosheniyam v Kurdistane. Analiz kurdsogo derebejluka." *Agrarnye problemy*. Book 1-2 (1932): 115–131 [In Russian].
- Васильев, А.Н. История Саудовской Аравии (1745–1973). – М.: «Наука», 1982. – 612 с.
- Vasil'ev, Alexey N. *Istoriya Saudovskoj Aravii (1745–1973)*. Moscow: Science, 1982 [In Russian].
- Викторов, В.П. Экономика современной Сирии. – М.: Наука, 1968. – 264 с.
- Viktorov, Vladimir P. *Ekonomika sovremennoj Sirii*. Moscow: Science, 1968 [In Russian].
- Вильчевский, О.Л. Экономика курдской кочевой сельскохозяйственной общины Закавказья и прилегающих районов во второй половине XIX в. // Советская этнография. – 1936, № 4-5, С. 135–162.
- Vil'chevskij, Oleg L. "Ekonomika kurdskoj kochevoj sel'skhozaystvennoj obshchiny Zakavkaz'ya i prilegayushchih rajonov vo vtoroj polovine XIX v.". *Sovetskaya etnografiya*, no 4-5 (1936): 135-162 [In Russian].
- Гасратян, М.А. Курдская проблема в Турции: (1986–1995). – М.: Институт востоковедения РАН, 2001. – 239 с.
- Gasratyan, Manvel A. *Kurdsкая проблема v Turcii: (1986–1995)*. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS, 2001 [In Russian].
- Гасратян, М.А. Курды в Турции в новейшее время. Ереван: Айастан, 1990. – 385 с.
- Gasratyan, Manvel A. *Kurdy v Turcii v novejshee vremya*. Yerevan: Aystan, 1990 [In Russian].
- Гусейнов, В.А. Центральная Азия. Геополитика и экономика региона. – М.: Красная звезда, 2010. – 292 с.
- Guseinov, Vagif A. *Central'naya Aziya. Geopolitika i ekonomika regiona*. Moscow: Red Star, 2010 [In Russian].
- Жигалина, О.И. Иран и Кризис в Южном Курдистане // Южный Курдистан сегодня. – М.: Институт востоковедения РАН, 1997.
- Zhigalina, Olga I. "Iran i Krizis v YUzhnom Kurdistane". In *Yuzhnyj Kurdistan segodnya*. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS, 1997 [In Russian].
- Демиденко, С.В. Деятельность Рабочей партии Курдистана /РПК/ и ее роль в вооруженной борьбе турецких курдов (1973–1999): диссертация кандидата исторических наук: 07.00.02. – Москва, 2003. – 213 с.
- Demidenko, Sergey V. *Deyatel'nost' Rabochej partii Kurdistana /RPK/ i ee rol' v vooruzhennoj bor'be tureckih kurdiv (1973–1999)*. Dissertation, Candidate of Historical Sciences, 07.00.02. Moscow, 2003 [In Russian].
- Джалил, Дж. Курды Османской империи в первой половине XIX в. – М.: «Наука», 1973. – 199 с.
- Dzhalil, Dzhilile. *Kurdy Osmanskoj imperii v pervoj polovine XIX v.* Moscow: Science, 1973 [In Russian].
- Иванов, М.С. Этнические процессы и состав населения в странах передней Азии. – М.: Издательство восточной литературы, 1963. – 172 с.
- Ivanov, Mikhail S. *Etnicheskie processy i sostav naseleniya v stranah perednej Azii*. Moscow: Oriental Literature Publishing House, 1963 [In Russian].
- Игнатенко, А.А. Ислам и политика. – М.: Институт религии и политики, 2004. – 256 с.
- Ignatenko, Alexander A. *Islam i politika*. Moscow: Institute of Religion and Policy, 2004 [In Russian].
- Исаев, Л.М., Коротаев, А.В., Мардасов, А.Г., Семенов, К.В. Метаморфозы сирийской оппозиции. – М.: ЛЕНАНД, 2021. – 304 с.
- Isaev, Leonid M., Andrey V. Korotaev, Anton G. Mardasov, and Kirill V. Semenov. *Metamorfozy sirijskoj oppozicii*. Moscow: Lenand, 2021 [In Russian].
- Калавеж, А.И. К вопросу об аграрных отношениях в современном Курдистане. – Баку: Институт востоковедения Академии наук Азербайджанской ССР, 1960.
- Kalavezh, A.I. *K voprosu ob agrarnyh otnosheniyah v sovremennom Kurdistane*. Baku: Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR, 1960 [In Russian].
- Лебский, М.А. Курды. Потерянные на Ближнем Востоке. – М.: Алгоритм, 2016. – 351 с.
- Lebsky, Maxim A. *Kurdy. Poteryannye na Blizhnem Vostoke*. Moscow: Algoritm, 2016 [In Russian].
- Малашенко, А.В. Исламская альтернатива и исламский проект. – М.: Весь мир, 2006. – 221 с.
- Malashenko, Alexei V. *Islamskaya al'ternativa i islamskij projekt*. Moscow: Ves' Mir, 2006 [In Russian].
- Ментешивили, А.М. Курды: Очерки общественно-экономических отношений, культуры и быта. – М.: Наука, 1984 – 238 с.
- Menteshashvili, Albert M. *Kurdy: Ocherki obshchestvenno-ekonomicheskikh otnoshenij, kul'tury i byta*. Moscow: Science, 1984 [In Russian].

- Моисеев, П.П. Аграрные отношения в современной Турции. – М.: Издательство восточной литературы, 1960. – 223 с.
- Moiseev, Petr P. *Agrarnye otnosheniya v sovremennoj Turcii*. Moscow: Oriental Literature Publishing House, 1960 [In Russian].
- Мухаметшин, Ф.М. Россия – Средняя Азия. Том 1. Политика и ислам в конце XVIII — начале XX вв. М.: URSS, 2011. – 472 с.
- Muhametshin, Farit M. *Rossiya – Srednyaya Aziya. Tom 1. Politika i islam v konce XVIII — nachale XX vv.* Moscow: URSS, 2011 [In Russian].
- Наумкин, В.В. Ислам и мусульмане: культура и политика. — М.: ИД «Медина», 2008. – 768 с.
- Naumkin, Vitaly V. *Islam i musul'mane: kul'tura i politika*. Moscow: Publishing House 'Medina', 2008 [In Russian].
- Оджалан, А. Курдистанская действительность с XIX века по настоящее время и движение РПК. – М.: Axina Welat, 1998. – 376 с.
- Öcalan, Abdullah. *Kurdistsanskaya dejstvitel'nost' s XIX veka po nastoyashchee vremya i dvizhenie RPK*. Moscow: Axina Welat, 1998 [In Russian].
- Оджалан, А. Проблема личности в Курдистане. Особенности революционного борца и партийная жизнь. – Ереван: Паруйр Севак, 1994 – 268 с.
- Öcalan, Abdullah. *Problema lichnosti v Kurdistane. Osobennosti revolyucionnogo borca i partijnaya zhizn'*. Yerevan: Paruyr Sevak, 1994 [In Russian].
- Оджалан, А. Социализм и проблемы революции. – М.: Axina Welat, 1997. — 404 с.
- Öcalan, Abdullah. *Socializm i problemy revolyucii*. Moscow: Axina Welat, 1997 [In Russian].
- Патиев, Ф.А. Курдские автономные районы современной Сирии // Курдский фактор в региональной геополитике. Материалы круглого стола в ИМЭМО РАН. 11 марта 2015 г. – М.: ИМЭМО РАН, 2015. – С. 51-54.
- Patiev, Farhad A. "Kurdskie avtonomnye rajony sovremennoj Sirii". In *Kurdskij faktor v regional'noj geopolitike. Materialy kruglogo stola v IMEMO RAN. 11 marta 2015 g.* Moscow: IMEMO RAN, 2015 [In Russian].
- Пластун, В.Н. Исламизм — угроза исламу и миру. – Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2018. — 146 с.
- Plastun, Vladimir N. *Islamizm — ugroza islamu i miru*. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 2018 [In Russian].
- Примаков, Е.М. Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX - начало XXI). – М.: Российская газета, 2012. – 414 с.
- Primakov, Yevgeny M. *Blizhnij Vostok na scene i za kulisami (vtoraya polovina XX - nachalo XXI)*. Moscow: Russian newspaper, 2012 [In Russian].
- Рясов, А. Политическая концепция М.Каддафи в спектре «левых взглядов». – М.: Институт Востоковедения РАН, 2008 – 330 с.
- Ryasov, Anatolij V. *Politicheskaya koncepciya M.Kaddafi v spektre «levyh vzglyadov»*. Moscow: Institute of Oriental Studies of the RAS, 2008 [In Russian].
- Сатановский, Е. Я. Россия и Ближний Восток. Котел с неприятностями. – М.: Эксмо, 2012, - 410 с.
- Satanovskiy, Yevgeniy Ya. *Rossiya i Blizhnij Vostok. Kotel s nepriyatnostyami*. – М.: Eksmo, 2012 [In Russian].
- Уоррик, Дж. Черные флаги. Ближний Восток на рубеже тысячелетий. – М.: Corpus, 2018. – 448 с.
- Warrick, Joby. *Chernye flagi. Blizhnij Vostok na rubezhe tysyacheletij*. Moscow: Corpus, 2018 [In Russian].
- Хасан, М. Источник террора: идеология ваххабизма-салафизма. – М.: Институт востоковедения РАН, 2005 – 158 с.
- Khasan, Muhammad. *Istochnik terrora: ideologiya vahkhabizma-salafizma*. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS, 2005 [In Russian].
- Хэйвуд, Э. Политология. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. – 544 с.
- Heywood, Andrew. *Politologiya*. Moscow: YUNITI-DANA, 2005 [In Russian].
- Хуторская, В.В. Исламская демократия в Иране // Востоковедческий сборник. Выпуск №5 – М.: Институт Востоковедения РАН, 2003 – С. 301-308.
- Khutorskaya, Vera V. "Islamskaya demokratiya v Irane". In *Vostokovedcheskij sbornik. Vypusk №5*, 301-308. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS, 2003 [In Russian].
- Шегаев, И.С. Ислам в политическом дискурсе: концепты, стереотипы, радикализм. – Казань: Издательство «Бук», 2017 – 136 с.
- Shegaev, Ilya S. *Islam v politicheskom diskurse: koncepty, stereotipy, radikalizm*. Kazan: Publishing House 'Buk', 2017 [In Russian].
- Abbas, Tahir, James Hewitt, and Kerem Övet. "Understanding PKK, Kurdish Hezbollah and ISIS Recruitment in Southeastern Turkey." *Studies in Conflict & Terrorism*, (2022):1-21. <https://doi.org/10.1080/1057610X.2022.2042897>
- Bozarslan, Mehmed Emîn. *Dağunun Sorunları*. Istanbul: Şafak Kitabevi, 1966.
- Bozarslan, Mehmed Emîn. *Problems of the East*. Istanbul: Şafak Kitabevi, 1966 [In Turkish].
- Dersimi, Nuri. *Kürdistan tarihinde Dersim*. Aleppo: Ani matbaasi, 1952.
- Dersimi, Nuri. *Dersim in the History of Kurdistan*. Aleppo: Ani matbaasi, 1952 [In Turkish].
- Galloway, J.P.N. "A Kurdish Village of North-East Iraq" *The Geographical Journal* 124, no. 3 (September 1958). 361-366. <https://doi.org/10.2307/1790787>
- Gürbüz, Mustafa. "Revitalization of Kurdish Islamic Sphere and Revival of Hizbullah in Turkey." In *Understanding Turkey's Kurdish Question (ed. by Fevzi Bilgin and Ali Sarihan)*, 167-178. Lanham: Lexington Books, 2013.
- Travis, Morris. *Dark Ideas: How Neo-Nazi and Violent Jihadi Ideologues Shaped Modern Terrorism*. Lanham: Lexington Books, 2017.

Сведения об авторах

Сергей Владимирович Давиденко,

к.ист.н., декан Факультета политических исследований Института общественных наук
Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Россия, Москва, пр. Вернадского, 82, 119571.

e-mail: demidenko-sv@ranepa.ru

Роман Иосифович Файншмидт,

старший преподаватель кафедры международной политики и зарубежного регионоведения
Факультета политических исследований Института общественных наук Российской Академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Россия, Москва, пр. Вернадского, 82, 119571.

e-mail: faynshmidt-ri@ranepa.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 2 ноября 2022

Переработана: 28 ноября 2022

Принята к публикации: 9 декабря 2022

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Демиденко, С.В., Файншмидт, Р.И. Курдская государственность и исламистская политическая
концепция // *Международная аналитика*. – 2022. – Т. 13 (4). – С. 94–110.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-4-94-110>

Kurdish Statehood and Islamist Political Concept

ABSTRACT

The article is devoted to the situation in the international Kurdish movement in the context of the growing popularity of Islamist ideas and concepts. For a long time, the leftist doctrine was considered to be the prevailing trend among the Kurds, but after 2011 and the appearance on the regional arena of such major players as ISIS and other radical religious organizations based in Syria and Iraq, ultra-conservative parties and movements gained momentum. In fact, today there is a confrontation between the evolving leftist doctrine, represented by the Kurdistan Workers' Party and the Syrian Rojava, and the Islamic concept of the caliphate (the territory of universal social harmony, built on the principles of Sharia). During the period of the greatest power of ISIS, several Kurdish groups supported the Islamists and, being part of the extremist international movement, managed to seize significant territories in Northern Syria and Central Iraq. Later, however, left-wing organizations went on the offensive and returned to their pre-war status. In this regard, it is important to understand exactly what socio-economic reasons led to the growth of the Islamists influence and what the prospects for religious radicals within the international Kurdish movement are.

KEYWORDS

Kurds, PKK, Öcalan, Islamism, Salafis, Islamic fundamentalism, Rojava, ISIS

Authors

Sergey V. Demidenko,

PhD in History, Dean of the Faculty of Political research, Institute of Social Sciences,
The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation),
82, Vernadskogo prospect, Moscow, 119571.

e-mail: demidenko-sv@ranepa.ru

Roman I. Fainshmidt,

Senior Lecturer of the Department of International Politics and Foreign Regional Studies,
the Faculty of Political research, Institute of Social Sciences,
The Russian Presidential Academy of National Economy and Public
Administration (Russian Federation), 82, Vernadskogo prospect, Moscow, 119571.

e-mail: faynshmidt-ri@ranepa.ru

Additional information

Received: November 2, 2022. Revised: November 28, 2022. Accepted: December 9, 2022.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the authors.

For citation

Demidenko, Sergey V., and Roman I. Fainshmidt. "Kurdish Statehood and Islamist Political Concept."
Journal of International Analytics 13, no. 4 (2022): 94–110.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-4-94-110>